

На правах рукописи

УДК 882.09 Батеньков

Дмитриева Юлия Владимировна

Автобиографическая проза Г. С. Батенькова

Специальность 10.01.01. Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2006

Работа выполнена на кафедре русской литературы Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Анненкова Елена Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН
Кибальник Сергей Акимович

кандидат филологических наук, доцент
Непоклонова Елена Олеговна

Ведущая организация: Ярославский государственный
университет имени К.Д. Ушинского

Защита диссертации состоится «18 мая 2006 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.199.07 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена по адресу: 199053, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 52, аудитория 47.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке РГПУ им. А.И. Герцена по адресу: 199186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 5.

Автореферат разослан «17» апреля 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Н.Н. Кякшто

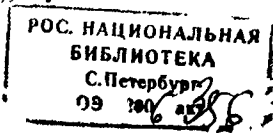
2006А
8886

Общая характеристика работы

Обращение к творчеству Батенькова обуславливает актуальность темы данного исследования, направленного на изучение поэтики автобиографической прозы декабриста. Записи, создаваемые после 1825 года, занимают особое место в творческом наследии писателя, перекликаются с его поэзией и критикой. Отражение документальных событий в дневниковых записях периода тюремного заключения, размышления Батенькова на страницах автобиографических сочинений 1840-50-х гг. о проблемах бытия, о судьбах России, о месте и роли личности в истории государства – все это представляет научный интерес. Корпус автобиографической прозы Г.С. Батенькова не только целостно не изучен, но и не опубликован полностью. Без понимания наследия этого писателя невозможна интерпретация историко-литературного процесса XIX века. Насущной проблемой современного литературоведения является изучение жанровой трансформации русской прозы, поэтому научно оправданным и целесообразным является обращение к жанровой природе прозаических произведений Батенькова.

Степень разработанности проблемы. Впервые автобиографические записки Батенькова «Данные. Повесть собственной жизни» и другие материалы опубликовал П.И. Бартенев в журнале «Русский архив» в 1881 году. В 1889 году И.И. Ореус в журнале «Русская старина» напечатал первый историко-биографический очерк о Батенькове. За ним последовали труды историков и литературоведов, посвященные изучению жизни и творчества декабриста.

Общая характеристика творчества Г.С. Батенькова, его личности, сочинений неоднозначна. Не одно десятилетие господствовало мнение: произведение автобиографической прозы Батенькова, его письма с эстетической и литературной точки зрения не представляют ценности и могут рассматриваться лишь в качестве историко-фактографического материала. Некоторые ученые даже высказали предположение о психической невменяемости Батенькова в период 1825-1846 гг. и, следовательно, о нелитературности его автобиографических сочинений и писем (Б.Л. Модзалевский). Другие исследователи, наоборот, считали, что органическая слитность, художественная «целостность» повестей, записок и писем Батенькова являются отличительными чертами его автобиографической прозы. М.О. Гершензон, опубликовавший в 1916 году записки и письма декабриста, в автобиографических сочинениях Батенькова увидел документ, отразивший, прежде всего, действительный процесс нравственных, философских исканий декабриста, процесс его самовыражения и самосовершенствования. На литературной деятельности декабриста впервые сосредоточил свое внимание Т.Г. Снытко в работе «Г.С. Батеньков – литератор» (1956 г.), опубликовавший статью Батенькова,

обращенную к Гоголю. В 1960 – 70-е годы появляются научные труды (В.Г. Базанова, Б.С. Мейлаха, А.А. Илюшина), посвященные поэтике стихотворного наследия декабриста. Исследователи творческого наследия Батенькова неоднократно отмечали своеобразие его сочинений. Так, В.Н. Топоров писал об индивидуальной неповторимости, глубоком своеобразии философского и художественного мышления Батенькова как феномена русского сознания – его особого типа.

Предлагаемая работа является первым системным исследованием жанрового своеобразия автобиографической прозы Г.С. Батенькова; прозаическое наследие декабриста исследуется в соотнесенности с его критическими работами и поэзией, а также выявляется эстетическая концепция писателя, что обуславливает степень **научной новизны** настоящей диссертации.

Цель исследования – изучить особенности поэтики автобиографической прозы Г.С. Батенькова, а именно: выявить, как форма «сугубо личной исповеди» в его автобиографических сочинениях сочетается с другими жанровыми формами. В соответствии с поставленной целью определены **задачи исследования**:

- обосновать характер используемого в диссертации понятия автобиографическая проза, выявив его природу и существенные содержательные признаки; определить роль и функции автобиографического начала в прозе Батенькова, при этом показать характер его проявления на уровне идейно-тематического содержания, образной системы, жанра и стиля;
- исследовать автобиографическую прозу Батенькова в контексте декабристской мемуаристики; осмыслить эстетические и философские искания декабристов и Батенькова после 1825 года, влияние на них идей православного вероучения и учения масонов; определить проблемный центр духовных исканий Батенькова, главную текстопорождающую философию, художественное осмысление которой писателем создает неповторимый синтез ирреального и реального в его автобиографических сочинениях;
- определить характерные особенности художественного мира Батенькова, ведущие к появлению произведения особой жанровой формы – «Данных Повести собственной жизни»;
- проанализировать жанровое своеобразие «Данных. Повести собственной жизни» сквозь призму миропонимания писателя; выявить, как сочетаются элементы жанра исповеди с элементами других жанров в этом произведении

Предмет исследования – жанровое своеобразие автобиографической прозы Батенькова в контексте декабристской мемуаристики.

Материалом и объектом исследования в представленной диссертации являются автобиографические сочинения Г.С. Батенькова, созданные после 1825 года. В центре внимания настоящего исследования находятся произведения декабристской мемуаристики (А.П. Беляева, С.Г. Волконского, В.Г. Кюхельбекера, М.С. Лунина, А.В. Поджио, А.Е. Розена, С.П. Трубецкого).

Теоретической и методологической базой исследования стали труды отечественных и зарубежных ученых по истории и теории литературы: М.М. Бахтина, Г.Г. Елизаветиной, Л.Я. Гинзбург, Б.О. Кормана, Д.С. Лихачева, Ю.В. Манна, М. Медарич, Н.Д. Тамарченко, А.Г. Тартаковского, Б.И. Ярхо и других.

В работе использован историко-литературный метод в сочетании с историко-функциональным и структурно-семантическим. Наряду с этим использованы и элементы биографического метода, актуального для изучения писателя, жизненный путь и творчество которого не рассматривались системно. В настоящем исследовании термины автобиографичность и автобиографизм понимаются в широком смысле слова. Автобиографизмом называем «стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он появляется также и в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии» (М. Медарич). В этом случае область изучения может охватить ряд явлений автобиографичности как проявления авторского «я» вне жанра автобиографии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение сочинений Батенькова в контексте декабристской мемуаристики позволяет выявить ряд принципиальных особенностей литературного наследия декабристов, а также раскрывает уникальность автобиографической прозы самого Батенькова.

2. После 1825 года для Батенькова осмысление судьбы России и места человека в творении становятся равнозначными вопросами; религиозность являет собой своеобразный синтез идеи православного христианства (путь «креста и воскресения» меняет всю природу человека) и масонского «*Nosce te ipsum*» (познай самого себя). Нацеленность на философское осмысление собственных душевных порывов, поступков является отличительной чертой его миропонимания.

3. С философскими размышлениями и опытами генетически связано у Батенькова идейное и жанровое содержание его автобиографических сочинений. Записи фиксируют и зарождение мысли, идеи, и поиск словесного их оформления. Алогичность мысли Батенькова в записках – это адекватная передача противоречивости чувств, переполняющих его внутренний мир.

4. В качестве ведущего текстообразующего фактора, устанавливающего

целостность и связность произведения, выступают сигналы припоминания. В результате особой логики авторской мысли события прошлого приближаются к событиям настоящего, происходит временное слияние действий. Создается особая жанровая концепция времени, которое можно было бы определить как «психологическое время».

5. Для автобиографических записок Г.С. Батенькова характерно крайне субъективированное представление о реальности: явления, принадлежавшие внутреннему миру писателя, относящиеся к его сознанию, рассматриваются иногда как более реальные, чем окружающая их действительность, причем порой линии размежевания реального – ирреального оказываются трудноуловимы.

6. В сочинениях Батеньковым представлена своеобразная интерпретация жанровой традиции видения, получивших распространение как в мировой, так и в древнерусской литературе.

7. Автобиографические сочинения периода 1830-х – начала 1860-х гг. имеют внутреннюю общность: они выражают эволюцию нравственно-эстетических взглядов писателя, отражают сосредоточенность автора на тех внутренних духовных переворотах, которые он пережил

Теоретическая значимость исследования. Избранный литературный материал, в силу своей особой специфики, обусловленный рядом социально-исторических факторов, позволяет яснее и глубже осмыслить некоторые универсалии, присущие исповедально-автобиографической прозе в целом

Практическая значимость исследования. Содержащиеся в диссертации основные теоретические положения, касающиеся жанрового своеобразия автобиографической прозы Батенькова, могут быть использованы в преподавании общих и специальных лекционных курсах по истории русской литературы, на практических занятиях, а также включены в программы спецкурсов для студентов-филологов.

Апробация работы. Материалы исследования обсуждались на научных конференциях различного уровня, в том числе международных в Санкт-Петербурге, Мурманске, Пскове; осуществлено ___ публикации по теме диссертации.

Объем и структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование изложено на ___ страницах. Структура диссертации определена ее основной целью и поставленными задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, которая содержит 215 наименований.

Содержание диссертации

Во введении обосновываются актуальность и новизна предпринятого исследования, формулируются его цели и задачи; уточняется степень

изученности вопроса, содержательная наполненность понятий «автобиографическая проза», «автобиография», «автобиографизм», «мемуарная литература», «мемуары».

Логика **ГЛАВЫ I – Автобиографические аспекты мемуаристики декабристов: жанровое своеобразие** – подчинена задаче: раскрыть жанрово-видовое своеобразие декабристской мемуаристики. Глава состоит из четырех содержательных блоков, каждому из которых соответствует отдельный параграф.

Параграф 1 – *«Мемуары декабристов: история изучения»* – представлен обзор и анализ научной литературы, посвященной декабристской мемуаристике. С опорой на научные труды отечественных ученых уточняется значение понятия *автобиографическая проза декабристов*.

Много нового и ценного в историю изучения декабристской прозы внесли труды М.В. Довнар-Запольского, В.И. Маслова, В.И. Семевского, П.Е. Щеголева и других исследователей. Большой вклад в изучение прозаического наследия декабристов внесло также издательство Академии наук – первоначально издательство «Academia». В серии «Литературные памятники» вышли в свет произведения художественной прозы, мемуары декабристов, их письма, критические и публицистические статьи. Публикации текстов сопровождалась их осмыслением и изучением в работах историков, философов, литературоведов (А.Г. Грум-Гржимайло, Б.Б. Кафенгауз, Б.Е. Сыроечковский и др.). Изучение поэзии, прозы, публицистики декабристов в литературном контексте эпохи было предпринято в конце 1950-х – начале 60-х годов в работах М.К. Азадовского, В.Г. Базанова, Л.А. Лебедевой, Ю.М. Лотмана, И.Н. Медведевой и других ученых. В исследованиях Базанова утверждается мысль об особом пути декабристов-прозаиков и исключительном месте в современной литературе их произведений. Ученый отмечает жанровое многообразие произведений декабристской прозы, в том числе и прозы автобиографической. Вторая половина 1960-х – 80-е годы – период, когда в центре внимания исследователей находится вопрос о характере связи творчества декабристов, их эстетики с историко-литературным процессом и творчеством того или иного писателя. Прозаическому наследию декабристов посвящают исследования М.И. Гиллельсон, Н.В. Королева, А.А. Котляровский, Я.Л. Левкович, Л.Г. Фризман, Н.Я. Эйдельман и другие ученые. На основных магистральных направлениях, которые были особенно значимы для литературной эволюции эпохи, тех родах и жанрах, в которых декабристы сказали свое значимое слово, сосредоточила внимание в конце 1980-х годов А.В. Архипова. Результатом ее научных исследований стала книга «Литературное дело декабристов» (1988).

Исследователи декабристской прозы (М.К. Азадовский, Е.И. Анненкова, А.В. Архипова, В.Г. Базанов и др.) неоднократно отмечали, что проза декабристов – явление довольно сложное. Это проза особого типа, ее изучение нельзя ограничивать только явлениями художественной или документальной литературы как таковой, поскольку у декабристов и роман, и повесть, и политические трактаты, и мемуары, и дружеская переписка очень тесно смыкались между собой; многие прозаические произведения декабристов носят автобиографический характер, в какой бы жанровой форме они ни были созданы. Различным документам и письмам не чужды исповедальность, самоанализ и самообличение. Автобиографический план присутствует в большей или меньшей степени во всех текстах. Автобиографическая основа – индивидуальная судьба, собственная жизнь в истории государства и история государства в истории своей жизни – это то новое, что появляется в произведениях декабристов-литераторов после 1825 года.

Параграф 2 – *«Развитие автобиографизма в истории русской культуры»* – посвящен анализу проявлений признаков самоосознания в древнерусской литературе, проблеме становления и развития самосознания в истории русской литературы XVIII века.

В результате влияния традиций, сложившихся в античной и византийской культуре, в русской словесности XI–XVI веков наметились два пути эволюции жизнеописательных форм, по которым в дальнейшем развивалась русская автобиографическая проза. Первый связан с историко-биографическими жанрами, второй – с исповедью.

Тенденция преобразования жития в автобиографию впервые в русской словесности проявляется в автобиографических текстах Елифания Премудрого и Аввакума: значимыми становятся реальные жизненные ситуации, святость теряет свою нормативность и становится свойством самоосознания. Конец XVII – первая половина XVIII вв. – период, когда кардинальному изменению подверглись средневековые мировоззренческие установки и принципы художественного творчества, что связано с глубинными процессами, происходящими в общественной жизни русской нации. На смену религиозно-символическому способу осмысления действительности приходит способ рационалистический. Формируется новая концепция человека, светская в своей основе. В русской литературе этого времени сложилось, на наш взгляд, два типа автобиографических сочинений. Первый тип – автобиографические сочинения информационного характера, содержащие рассказ о человеке в форме кратких анкетных данных и не затрагивающие внутренней сферы его жизни; второй тип – автобиографические сочинения, акцентирующие внимание на внутреннем мире автора. К 60-м годам XVIII века происходит

углубление представлений о сложной внутренней жизни повествователя, и оно связано, как правило, с обращением к жанру исповеди или с использованием ее элементов. Но это уже форма не церковной, а литературной исповеди. Цель литературной исповеди – сосредоточить внимание на поступках и «деяниях» автора-героя в обществе, а не на истории его души. В конце XVIII века в произведениях автобиографической прозы на смену «рационалистической» модели человека, которая господствовала в мемуарной литературе эпохи классицизма, приходит герой, интересный своим внутренним миром. Идею служения государству сменяет мысль о ценности человека самого по себе, вне зависимости от социального положения, конфессиональной и национальной принадлежности, финансово-экономических возможностей; появляются сочинения, которые представляют собою своего рода синтез информационного и интимного рассказа, прямого и скрытого автобиографизма. Так, записки Н.Б. Долгоруковой выделяются в корпусе русской автобиографической прозы XVIII века искренностью, эмоциональностью, вниманием к бытовым деталям, к конкретным действиям и состоянию внутреннего мира автора. Постепенно русская автобиографическая проза открывает сложность внутреннего мира человека. На рубеже XVIII – XIX вв. внимание автобиографа все более притягивают тайные движения его собственной души. Но в большинстве автобиографических сочинений движения собственного сердца описываются еще в соответствии с этикетом душевных переживаний эпохи; сохраняются элементы формульности в описаниях эмоциональных состояний собственного «Я». В то же время, в некоторых записках (К. Батюшков) растет число фрагментов, содержащих описания противоречивых эмоций, борьбу сердца и разума; детальные описания постепенного развития одной эмоции (М. Сушков) или страсти (А. Тургенев). Характеристики эмоциональных состояний и отношений в автобиографической прозе этого времени уже могут сочетаться с их анализом, который перерастает в авторские толкования собственных чувств и поступков (В.А. Жуковский).

Литература воспоминаний конца XVIII – начала XIX веков подготовила дальнейшее развитие автобиографической прозы в XIX веке.

Параграф 3 – *«Эволюция декабристской мысли как основа мемуарной литературы декабристов»* – посвящен исследованию различных сторон мировидения декабристов (взгляды на историю, общество, политику, государство, мораль, религию, процесс познания и другие), освещаются причины обращения декабристов к жанрам мемуарно-автобиографической прозы.

В творчестве декабристов после 1825 года прежние идеи, мысли обрели новое направление; явственно определилась полемичность декабристской

теоретической мысли: религиозность и социальность мышления все более обнаруживали свои внутренние, философские несогласия. Наиболее последовательно логику одного из направлений декабристской мысли после 1825 года выразил М.С. Лунин. Для него важна была мысль об *историзации личной истории*. Параллельно с этим развивается другое направление декабристской мысли, связанное с религиозными поисками. После 1825 года религия в сознании многих декабристов живет не только в ее библейском преломлении. Религиозная мысль декабристов не отрицала целиком церковную мысль как таковую, но, что наиболее привлекает внимание, являла собою уже зарождающееся писательское истолкование религиозной мысли и религиозным тем. Исследователи (В.В. Зеньковский, Е.И. Анненкова) отмечали, что после 1825 года религиозность декабристской мысли проявлялась по-разному: сугубо мировоззренчески, философски (Е.П. Оболенский, М.А. Фонвизин и др.) и художественно: религиозность вылилась в литературные творения декабристов (В.Г. Кюхельбекер, А.И. Одоевский, Г.С. Батеньков и др.). Развитие нравственного сознания декабристов нельзя свести только к их религиозно-философским исканиям. Записки и философские трактаты М.А. Фонвизина этого периода представляют собой попытку совместить чистую духовность со злободневностью, с насущными проблемами современности, в том числе и проблемами политическими, государственными. После 1825 года неслучайно в своих записках, статьях и письмах многие декабристы подчеркивали эту своеобразную взаимосвязь социального, политического и религиозного (Н.А. Бестужев, А.В. Поджио и др.).

Внутренняя эволюция, которая совершилась в сознании почти всех декабристов после 1825 года, искала необходимые ей формы выражения

Параграф 4 – *«Жанровое своеобразие автобиографической прозы декабристов»*. После 1825 года соприсутствие в декабристской теоретической мысли религиозности и социальности мышления определили два полярных полюса, по направлению к которым тяготела в своем развитии автобиографическая проза: стремление к самоанализу, откровению нацеливали на исповедальность в процессе написания воспоминаний собственной жизни и предопределили интерес к форме исповеди (Г.С. Батеньков, А.П. Беляев, В.К. Кюхельбекер); в то же время, потребность правдиво, бесстрастно и объективно осветить исторические события прошлого, свидетелем которых довелось быть, диктовала необходимость обращения к жанрам историографического характера (С.П. Трубецкой, А.В. Поджио), что не всегда исключало авторский вымысел. Некоторые мемуары декабристов являют собою не только первоклассное историческое свидетельство, но и «замечательное художественное обобщение» (вид своеобразных историко-художественных очерков имеют отдельные главы

«Записок» М.А. Бестужева. Еще в большей степени литературное значение имеет «Воспоминание о Рылееве» Н.А. Бестужева).

В отечественном литературоведении неоднократно отмечалось жанровое многообразие произведений декабристской прозы, в том числе и прозы автобиографической (дневники, записки, заметки, автобиография, исповедь), при этом оговаривалось, что границы этих жанровых форм не всегда четко соблюдались. В письмах декабриста Е.П. Оболенского синтезированы стили и жанровые структуры не только близкие друг другу (исповедь, мемуары, автобиографии, авторские жизнеописания), но и такие жанровые формы, которые, на первый взгляд, не имеют ничего общего с первыми, в частности, притча и легенда (причем и притча, и легенда задуманы автором как «правдивые истории», как быль). В период тюремного заключения, на каторге и в ссылке, многие декабристы обращались к евангельскому слову. Обращение это было порождено как верой в силу слова-откровения, так и стремлением найти ту форму выражения истины, которая способна охватить не только историю в ее конкретных проявлениях, но и все глубины человеческого сознания (прежде всего – внутреннее смятение души, ищущей путь от собственного несовершенства к совершенству духовному). Осваивались жанры с традиционным философским потенциалом – аллегория, рассуждение, притча, философское письмо, но все они выступали как первичные жанры в составе единого целого – собственного жизнеописания. Формировался особый тип автобиографической прозы – религиозно-философская проза («Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном» А.П. Беляева, «Записки декабриста» А.Е. Розена). Наряду с исповедальными формами, а также формами дидактико-аллегорического повествования пристальное внимание уделялось другим жанровым разновидностям мемуарно-философской публицистики, например, письмам (письма А.Н. Муравьева, С.И. Муравьева-Апостола, П.С. Бобрищева - Пушкина и др.).

Нельзя говорить и о одновременности написания автобиографических сочинений декабристов. Немногие произведения были написаны в период 1830 – 40-х годов, когда еще оставались свежи в памяти события декабрьского восстания (Записки и письма М.С. Лунина, Письма Г.С. Батенькова, адресованные на имя Николая I, дневниковые записи В.К. Кюхельбекера). Декабристы, в большинстве своем, создавали автобиографии, записки, письма по возвращении из Сибирской ссылки (Воспоминания С.Г. Волконского, А.В. Поджио и др.). Время не могло не оставить отпечаток на памяти и сознании мемуариста: многое было переосмыслено, что-то забыто, какие-то события, ранее воспринимаемые как важные, теперь казались незначительными.

После 1825 года во многих сочинениях декабристов сочетается

стремление к максимальной точности в изображении подлинных событий с выражением собственной оценки этих событий. В некоторых автобиографических записках, заметках, воспоминаниях декабристов художественное начало представлено не в качестве отдельных и, порою, случайных элементов, но присутствует как основной принцип построения текста; авторы таких произведений органически сочетают в себе художника и историка в одном лице. Это изображение пережитого, прошлого, «былого», действительно бывшего, через призму собственной мысли, посредством слова, и в частности, посредством слова художественного, образного. В некоторых произведениях декабристов акцент в формуле «личность в истории «моего» государства» смещен на осмысление *роли* «моей» личности в *истории* «моего» государства (записки) И.Д. Якушкина, М.С. Лунина); в других – представлена на суд современников и потомков *история* своей судьбы, своих *переживаний* на основе собственных *воспоминаний* о *пережитых исторических* событиях (записки А.В. Поджио).

Параграф 5 – «*Осмысление исторической памяти в «Письмах из Сибири» М.С. Лунина и автобиографических записках А.В. Поджио».* «Письма из Сибири» М.С. Лунина – это воспоминания, в которых предметом изображения становится не столько индивидуальная память, сколько память всеобщая, историческая. Главный тезис в воспоминаниях Лунина: истинно историческое знание должно стать частью моих переживаний; мои переживания, мой внутренний опыт – частью пережитой истории. «Письма из Сибири» состоят из двух частей; они, по существу, затрагивают почти все темы, представленные в других сочинениях декабриста. Самым же постоянным, встречающимся во всех сюжетах писем, является мотив исторической правоты носителей освободительной идеи – идеи свободы, которую веками хранит в своем сознании всеобщая память – память поколений. Временные и пространственные границы расширены: диалог с одним человеком перерастает в диалог со всем миром. Монологическая речь письма ориентирована не только на одного потенциального слушателя; автор, говоря о себе, о своей эпохе, следит за веками, временем, «прорастанием» вневременной вековой памяти в сознании новых поколений. «Письма из Сибири» создают новое единство, сама история в ее прошлом и настоящем как будто входит в текст писем.

В отличие от «Писем из Сибири» Лунина записки А.В. Поджио – это результат длительных размышлений, они отражают моменты нескольких душевных кризисов, желание освободиться от сомнений, мучительного самоанализа. Память рассказчика не вводит нас в его биографию. Его цель постичь глубинную философскую сущность памяти исторической: постичь органичное единство мысли и события, факта, документа. В записках Поджио

ищется почти несовместимое единство слова трактующего, разумного, рационального и слова исповедального, слова-откровения. Воспоминания словно нанизываются друг на друга, мысли перебивают одна другую, разум теряется перед их быстрым потоком – во всем обнаруживается внутренний хаос, разлад, душевный кризис. Создается впечатление пересечения нескольких плоскостей, непривычных для восприятия: всеобъемлющая власть мысли, хранимой исторической памятью, несущей разум и гармонию, и – дисгармоничность, сложность авторского образа, вмещающего в себя как сознание собственной значимости, так и умаление себя; неодолимое желание понять глубинную сущность жизни, мирового социального процесса и – отрешение от «шума» своей эпохи, а затем стремление вновь проникнуть в «поток» своего времени.

ГЛАВА II – «Автобиографическая проза Г. С. Батенькова» – призвана проследить влияние религиозно-философских, литературных, социально-политических течений на систему взглядов Батенькова; исследовать жанровое своеобразие автобиографической прозы декабриста.

Параграф 1 – *«Записки и письма Г. С. Батенькова после 1825 года как выражение творческой и мировоззренческой эволюции писателя»*. Восприятие и осмысление творческого наследия Батенькова-мемуариста условно соотносится с двумя периодами его биографии: с 1812 по 1825 гг. (Отечественная война 1812 года, Сибирь, Петербург – декабрьское восстание 1825 года); с 1825 по 1863 гг. (с 28 декабря 1825 по 31 января 1846 года – двадцатилетнее тюремное заключение в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости; 1846 год – ссылка в Томск; 1855 год – амнистия: Тульская губерния, Калуга). Такое деление представляется естественным, поскольку 1825 год завершает первоначальный период творчества Батенькова. После него, в первые годы тюремного заключения, писательская активность декабриста заметно ослабела; он пережил в эти годы душевный кризис, который описал в позднейших автобиографических записках. Автобиографические записки Г. С. Батенькова являют нам особый тип автобиографического повествования: автор погружен в глубины собственного сознания и пытается на основе самопознания осмыслить место и роль личности в истории России и истории мироздания. Гражданский романтизм в «широком» понимании был той идеологической средой, которая формировала сознание и творческое воображение Батенькова периода до 1825 года. Идея природной, дарованной при рождении и независимой от сословной принадлежности свободы личности была понята и принята Батеньковым. Но мировоззрение Батенькова не было ограничено декабристской идеологией: декабризм – только общая гражданская база его мирозерцания и поведения, что непосредственно оказало значительное влияние на жизнетворчество

писателя. Батеньков с большим вниманием относился к психологической и философской линии романтического искусства, сочувственно отзывался о писательском таланте Н.М. Карамзина, поэзии В.А. Жуковского, почитая их творчество началом нового периода русской литературы. Отсюда психологизм писем самого Батенькова, внимание к жизни души и сердца. В то же время батеньковское миропонимание отлично от миропонимания Жуковского. Это отличие заключается в нацеленности Батенькова на философское осмысление собственных душевных порывов, своих поступков. Следует учитывать: в этот период времени воздействие немецкой философской мысли на сознание Батенькова несомненно, хотя оно не было прямым и полным. Близким и понятным для Батенькова было положение Ф. Шлегеля: «Поэзия и философия должны объединяться». По мысли Батенькова, цель философии в достижении согласия между миром и человеком, ее главный предмет – познание человеком окружающего мира и себя как частицы этого мира. С философскими размышлениями и опытами генетически связана у Батенькова в этот период композиция писем, адресованных А.А. и А.П. Елагиным, которые написаны в виде своеобразного диалога с другом. Уже в начале 1820-х годов письма к А.А. и А.П. Елагиным поражают зрелостью и афористической четкостью суждений Батенькова о литературе, о друзьях-писателях; впервые «проговариваются», отшлифовываются литературно-критические суждения, формулируется эстетическая платформа, определяется позиция в литературно-журнальной и «альманашной» борьбе эпохи. Письма Батенькова поражают обилием цитат, то и дело мелькают отсылки о публикуемых в журналах тех лет стихах или статьях русских и зарубежных писателей, философов, критиков.

После декабря 1825 года в произведениях автобиографической прозы, заметках и письмах Батенькова определеннее всего фиксируется процесс достаточно сложного самосознания. Духовная жизнь Батенькова отражается в них предельно непосредственно, подлинно и полно, конечно, в той мере, в какой это вообще возможно при передаче мыслей и чувств в беглых записках и набросках.

В период тюремного заключения написаны «Письма на Высочайшее имя Его Императорскому Величеству» (январь – февраль 1835 года); историко-литературный интерес представляют записи, сделанные декабристом в период тюремного заключения в Алексеевском равелине в январе – октябре 1845 года. «Письма на Высочайшее имя Его Императорскому Величеству» адресованы Батеньковым царю Николаю I. Эти «Письма...» отличаются и по стилю, и по содержанию от тех прошений Батенькова, которые были адресованы правительству в первые дни тюремного заключения. В прошениях Батеньков умоляет о прощении, надеется на милость, ссылаясь на физические и моральные страдания. «Письма ...» создавались в период, когда уже не

было надежды на милость царя, в них зримо воссозданы болезненные диссонансы этого времени в жизни декабриста: мучительное, вынужденное одиночество человека. В «Письмах ...» отразился поток мыслей, не способных и не стремящихся вылиться в философскую систему. Максимальная сосредоточенность Батенкова на собственном сознании в момент зарождения и оформления мысли доходит иногда до болезненного предела, что подтверждает важность для него подобных размышлений. Каждая вновь родившаяся в сознании фраза записывается им с новой строки, как одна за другой следующие мысли. Приметы определенной эпохи в «Письмах на Высочайшее имя Его Императорскому Величеству» Батенькова служат особому варианту решения вечных проблем. «Письма ...» – это первый этап в творческой эволюции Батенькова-философа и Батенькова-прозаика. В них он пытается понять глубинную сущность миропорядка, философскую сущность самой жизни, охватывая ее сосредоточенной и одновременно болезненно-отрывочной мыслью со всех сторон. Тематическая линия «Писем...» Батенькова продолжается в записях 1845 года. «Записки» (1845) включают в свой состав четыре тетради, «мелко исписанных страниц»: «К науке принадлежит», «Нет ничего, а делать надобно» (имеет в начале дату: «Август 1845»), «Для политического дела надобно силу», «Ни временем, ни счастьем я ничего не могу делать». Окончание этих записей датировано автором 1845 годом; опубликованы они только в незначительных отрывках. Предметом рассуждений являются здесь, также как и в «Письмах...», вопросы философские, религиозные, политические. Отраженный в записках пласт явлений включен как в систему исторически определенного периода (первой половины XIX века), так и представлен им как единичный миг Вечности. Батеньков разделил каждый оборот страницы «Записок» пополам, но он практически не придерживается первоначального своего положения «написать диаметрально противно». Мысли по разные стороны черты не противоположны, наоборот, часто взаимодополняют друг друга. Однако по правую сторону черты проблемы ставятся и решаются по-философски универсально. Записи, их содержание, раскрывают, что сознание Батенькова постоянно располагает их рядом. В попытке Батенькова «написать диаметрально противно» проявляется не хаотичность его сознания, а своеобразная тенденция к гармонизации мысли в различных ее проявлениях. Неслучайно, Батеньков постоянно называет себя учеником, ощущающим готовность к познанию природы человека и природы России, социальной, политической, религиозной природы государства. В результате – в автобиографических записках 1845 года выявляется стремление к синтезу социального, политического и духовного.

Письма Батенькова, адресованные «Его Императорскому

Величеству» и «Записки» (1845), созданные в период тюремного заключения в одиночной камере Алексеевского равелина, – это не только исповедь, но и история собственной жизни, осмысленной под углом зрения человека, пытающегося понять роль собственной личности в истории своего государства.

Автобиографические сочинения, написанные после освобождения из крепости: «С ноября 1827 до 1846 года было откровение; Слово божие...», «Данные. Повесть собственной жизни», «Записки о масонстве», логически продолжают сочинения периода 1830-х – 1845 гг. В них сохраняется присущее Батенькову стремление синтезировать социальное, политическое и духовное, но в автобиографических сочинениях периода после 1845 года отсутствует былая фрагментарность, стихийность изложения. Перед нами воспоминание-размышление о прошлом собственной жизни и, одновременно, взгляд из прошлого в настоящее и будущее. В «Записках о масонстве» Батеньков писал, что в результате пережитого им духовного перелома, вызванного долгим пребыванием «внутри себя», возникла внутренняя потребность осмыслить законы творения, данную человеку способность к творчеству, что впоследствии стало восприниматься им как некая универсальная сила, выводящая человека к свету и истине. Масонское братство, как начало высокое и духовное, противопоставляется Батеньковым суетной мирской жизни. Эта тема была для Батенькова и философской, и религиозной, и нравственной, и социально-политической. Учение масонов, по мысли Батенькова, являло собою образец внутреннего духовного перерождения человека, а посредством каждого члена – всего общества. Именно потому, что учение открывало тайну познания себя, оно призвано было играть исключительную роль в жизни каждой личности. На примере истории собственной жизни Батеньков старается доказать, что масонство – это великая философия жизни. Батеньков не столько проповедует, излагает свои взгляды, сколько пытается передать прозрения, которые ощутил в период одиночного заключения. При этом его пророчества – это откровения и духовные, и социальные. Прошли годы, и Батенькову важно понять: что было им пережито в период тюремного заключения это «болезненное состояние ума» или «прозрение»? На этот вопрос он пытается ответить на страницах «Повести собственной жизни», которую именуется: «Данные...».

Параграф 2 – «Данные. Повесть собственной жизни» *Г.С. Батенькова. Проблемы поэтики*. Название произведения «Данные. Повесть собственной жизни» акцентирует внимание читателя на словах, связанных с сущностной характеристикой произведения: *воспоминание, автобиография, исповедь – моя жизнь как «данные» свыше и жизнь моя как «данные» моих воспоминаний*, и в известном смысле сигнализирует о форме как будто переходящей за границы литературы, искусства. «Данные. Повесть

собственной жизни» – это особая художественная форма, вбирающая в себя черты и повести, и автобиографии, и исповеди, но и одновременно отличающаяся от всего этого жанрового фона принципиальным своеобразием. «Данные...» стали результатом нового взгляда Батенькова на природу художественного творчества: он не только стремится отказаться от вымысла (органичного для творчества, но ассоциирующегося в его сознании с искажением жизненной реальности), но, отдавая предпочтение описанию собственной жизни, он на первый план выносит самоанализ и его, в свою очередь, делает предметом познания и комментирования. основополагающей категорией, позволяющей интерпретировать текст, определить особенности его поэтики, является категория автора, его самосознание.

Своеобразие авторской позиции определяет структурную и пространственную – временную организацию текста. Повествование строится на взаимодействии нескольких субъектных сфер: плана зрелого повествователя в *настоящем* и плана его «я» в *прошлом*. Авторское «я», выступающее одновременно в качестве субъекта и объекта изображения, диффузно: это и «я» очевидца событий, их участника, и «я» рассказчика, вспоминающего о прошлом. Повествование сосредоточено между двумя коррелирующими хронологическими полюсами. Принцип соотнесения временных пластов, сопоставление прошлого с современностью свидетельствует о *неостановимой работе памяти*, уносящей Батенькова в разные моменты пережитого. Линии его памяти прерывисты и зигзагообразны. Рассказ о собственной жизни, сюжетно не упорядоченный, построенный в манере импульсивных воспоминаний, вызывает у читателя чувство, что Батеньков каждый раз заново и под новым углом зрения пытается исследовать ушедшее время. Как следствие этого, возникает ощущение «разъединенности», «разорванности» авторского сознания; можно заметить желание автора преодолеть внутреннюю разобщенность, слить воедино различные проявления собственного «я», что и сказывается, в свою очередь, на авторской позиции в произведении.

Собственное рождение связано с зарождением первых проблесков самосознания. При этом в основе батеньковских умозаключений – моралистическая установка, позаимствованная им из масонства, – идея неотделимости «истинного» знания от идеи добра. Батеньков пытается воскресить в памяти навсегда утраченный мир детства, чтобы обрести идентичность собственной личности. Взаимодействие двух источников сознания, между которыми в процессе повествования возникает тесная взаимосвязь (сознание «я» в прошлом и настоящем), рождает необходимость воссоздания событий собственной жизни памятью не строго исторической, а художественной. В «Данных...» Батеньков пытается охарактеризовать историю страны с позиции потребности человека в нравственном совершенствовании

духа. Итог размышлений писателя о сущности жизни, бытия индивидуума и социума, об отношении человека и общества – вот круг проблем его записок.

Философские размышления о роли правителя в жизни государства являются толчком, импульсом, который восстанавливает в памяти образ когда-то близкого и дорогого Батенькову человека. Он специально подчеркивает, что его обращение к личности Сперанского на страницах «Данных ...» не случайно. Устройство управленческих учреждений в государстве, по мысли Батенькова, должно воспринимать как науку, причем науку высшего порядка, так как архитектура государства – это «архитектура храма из живых материалов, под сению которого ... население из нескольких десятков миллионов людей». Государство – «Божий храм», следовательно, все в нем должно руководствоваться законами Божьими в деяниях и поведении. По мысли Батенькова, «высокий дар власти» был дан Сперанскому свыше. Не называя ни одной биографической даты, не рассказывая ни об одном реальном событии из жизни Сперанского, он создает житие-рассуждение о роли святого человека в истории России. Житие Сперанского строится на основе противопоставления качеств его характера с описанием личности Аракчеева. Фрагмент о Сперанском в «Данных ...» не разрушает общую логику повествования, наоборот, являет собою более глубокое осмысление проблемы, волнующей писателя: мир человека и мир государства должны стать неразделимыми, как нераздельно и цельно бытие, как нераздельна идея в основе данного нам бытия, – утверждает Батеньков. Россия конца 1850 – начала 1860-х гг. жила под впечатлением значительного по сути и масштабу своему события – отмены крепостного права. Это событие стало переломным моментом во всех сферах общественной жизни, включая ломку мировоззрения передовых общественных слоев. Время «раскололось», разведя по разные стороны исторического барьера («новое» и «старое» поколение, либералов и демократов, приверженцев западного и собственно русского путей развития России. В русской истории так было не раз: нравственный раскол в русском дворянстве 1820-х годов, избранный А.С. Грибоедовым, дворянская духовная оппозиция 1830-х годов, центральная проблема в «Герое нашего времени»). Что касается «Данных...» Батенькова, то здесь речь идет не столько о споре поколений, не столько о герое своего времени (каким представлены Сперанский и Аракчеев), сколько о разрыве связи времен, столь очевидном для писателя. Поэтому внутренний конфликт произведения носит откровенно драматический характер: какой должна быть Россия? С целью определить дальнейший путь развития государства Батеньков и приводит собственное жизнеописание и сопоставительное жизнеописание Сперанского и Аракчеева в качестве своеобразного урока потомкам.

Таким образом, в «Данных...» в качестве ведущего текстообразующего фактора, устанавливающего целостность и связность произведения, выступают сигналы припоминания. С опорой на поток воспоминаний связан новый принцип построения автобиографического текста. Взгляд Батенькова на историю включает в себя два аспекта: фактическую историю и «историю души»; в «Данных...» он говорит об испытываемой им острой необходимости переосмыслить не только свой собственный жизненный путь, но и путь, пройденный человечеством с позиций нравственной эволюции.

Параграф 3 – *«Поэтика видения и проблема художественной реальности в автобиографических записках Г.С. Батенькова»*. После 1825 года фактические, поворотные моменты жизни становятся важными, по мысли Батенькова, именно в понимании их тесной взаимосвязи с пережитыми «откровениями». Видения, «бывшие» ему в тюремной камере и «не принятые» им в первые минуты особого «духовного дерзновения», а осмысленные «через некоторые дни», оказываются тем явлением, на котором и сосредоточено батеньковское сознание на протяжении всех последующих лет жизни. Эти видения запечатлены им в сочинениях периода тюремного заключения («Письма на Высочайшее имя...», «Записки...» 1845 года); по мысли Батенькова, их надобно «осознать» и «принять», затем описать, объясняя их роль, как в автобиографической истории, так и в современной писателю истории России). В своей интерпретации видения как литературного жанра мы исходим и из научных положений М.М. Бахтина о «памяти жанра». По мысли Бахтина, сохраняющая функция памяти является основополагающей и для эволюции видения как литературного жанра. Важным ориентиром для нас послужила работа Б.И. Ярхо «Средневековые латинские видения», где автор, рассуждает о жанровой природе видения, определяет место данного жанра в истории культуры. Опираясь на исследования Бахтина, Ярхо мы придерживаемся понимания жанра видения в «широком» смысле. Под видением мы понимаем не только формальные черты литературного жанра, но весь комплекс элементов, создающих жанр как узнаваемое явление, отличное от других «внежанровых» явлений. Мир видения – это мир, проецирующий особого рода мироздание с присущей только ему системой нравственных величин, моделью пространственно-временных отношений, типом героя. Исходя из специфики «виденческого» мира, содержательной основой которого является «виденческое» мироощущение, как своеобразная, формальная модель этого мира, выкристаллизовывается «виденческий комплекс» или «составляющие» жанра: «виденческий» конфликт и связанные с ним мотивы; герой-ясновидец; категория «чудесного», сверхъестественного; «виденческий» хронотоп и специфическая «виденческая поэтика».

Видение в составе записок «С ноября по октябрь...» по своему жанровому строению ближе к архаическому строению простого видения. Но на почве классической схемы выстраивается усложненная структура. Не случайно события, принадлежащие как бы к условно-реальному плану, в начале записок «С ноября по октябрь...» заключаются в рамки сна, а только потом сон возводится в ипостась видения. Батеньковым не отрицается классическая форма вопросно-ответной системы организации материала в видении, но эта форма явлена в особом преломлении. Перед нами не только диалог ясновидца с явлениями иного мира (Ангел, Голос, звучащий в стенах камеры), но и диалог с самим собой. Батеньков не ставит перед собой задачу представить перед читателем факты богоизбранности собственной личности. Он ориентируется на читателя, который должен непоколебимо верить ему и верить в истину, им излагаемую.

В автобиографических сочинениях Батеньковым представлена своеобразная интерпретация жанровых традиций видения (как древнерусской литературы, так и мировой литературы), что является следствием особого миропонимания писателя. В «Письмах на Высочайшее имя...» Батеньков неоднократно свидетельствует, что видит время в масштабе «большого цикла» – жизни, века. В своем поучении Батеньков нацелен и на диалог с миром – в значении «мирское», – и с миром – в значении «мироздание». В его понимании, жизнь – это источник бытия. Обновление «внутреннего» человека зависит от его способности открыть в самом себе «внутреннее» зрение. Поучительная часть видения в этих записках разрастается до нескольких десятков страниц: в центре внимания оказываются проблемы не только религиозные, но и социальные, политические. Постепенно мысль Батенькова обращается к судьбе России. Происходит «политизация» виденческого поучения. Батеньков уже не проповедует, а словно читает практический курс всеобщего духовного и социального «перерождения» общества. В художественном мире «Данных...» перед нами представлены видения-воспоминания Батенькова, относящиеся к прошлому героя (эти видения, возникающие в процессе припоминания событий недавнего прошлого, как «по цепочке», вызывают в памяти события иногда, казалось бы, не касающиеся непосредственно собственной его жизни (в частности, это относится к главам, в которых Батеньков размышляет о роли Сперанского в истории России). Внутреннее волнение, испытываемое автором данных в процессе припоминания событий из собственного прошлого, наполняет жизнью эти отдаленные памятью образы. Он осознает, что есть «сейчас» – настоящий, данный акт написания, и «вечность», которая включает в себя процесс его душевных волнений, книгу жизни его души. Способность самовидения и возможность неоднократно погрузиться в содержание этой книги и рассказать о прочитанном – великая задача, в понимании Батенькова. Таким образом,

проза Батенькова предстает одновременно, как явление, занимающее свое органичное место в контексте декабристской мемуаристики и как уникальное, намечающее будущие пути развития русской литературы.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются полученные научные результаты и намечаются ее перспективные возможности.

После 1825 года Батеньков, как и многие декабристы в период каторги и ссылки, задумывается над социальной и политической структурой общества; ищет и утверждает свой вариант сопряжения социального и нравственного. Осмысление судьбы России и места человека в творении становятся в понимании Батенькова равными вопросами, что привело к контрастному соединению в мировоззрении Батенькова двух, как будто взаимоисключающих друг друга, начал: социально-политического и религиозного. Батеньков убежден, что, только пройдя путь страдания и искупления, путь духовного перерождения (от внутреннего самососредоточения и самопознания к откровению Божию), можно постичь смысл жизни. С философскими размышлениями и опытами генетически связана у Батенькова в этот период жанровая природа его произведений Автобиографические сочинения Батенькова, созданные после 1825 года, можно условно определить как своего рода «воспоминания в воспоминаниях». Неповторимую, уникальную манеру выражения собственного мироощущения Батеньков создает на страницах «Данных. Повести собственной жизни». «Данные...» стали результатом нового взгляда Батенькова на природу художественного творчества: отдавая предпочтение описанию собственной жизни, он на первый план выносит самоанализ и его, в свою очередь, делает предметом познания. что формирует особую жанровую форму произведения, вбирающую в себя черты и повести, и автобиографии, и исповеди, но и одновременно отличающуюся от всего этого жанрового фона принципиальным своеобразием.

В составе батеньковских автобиографических сочинений особую смысловую и формообразующую нагрузку несет на себе жанр видения. В составе батеньковских прозаических текстов жанровые признаки видения значительно изменяются по сравнению с текстами видений западноевропейского и русского средневековья. Однако главные черты жанра, его основополагающая идея сохраняются: силы ирреального мира открывают читателю истины, недоступные непосредственному человеческому познанию. Последовательность фактов сменяется, таким образом, последовательностью воспоминаний-видений, ассоциативный, нелинейный, прерывистый характер которых все более учитывается в русской автобиографической прозе второй половины XIX века и особенно станет значимым для автобиографической прозы XX столетия.

Список публикаций:

1. Дмитриева Ю.В. Батеньков и Пришвин // Русская классика и авангард: Между архаикой и модерном: Сборник научных статей / Под ред. Н.Г. Михновец, О.В. Евдокимовой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 178 с. – С. 60-63.
2. Дмитриева Ю.В. Образ Пушкина в переписке Г.С. Батенькова // Беллетристическая Пушкиниана XIX – XXI веков. Современная наука вузу и школе. Материалы Международной научной конференции 20-23 октября 2003 г., Псков, 2004. 468 с. – С. 92-97.
3. Дмитриева Ю.В. Проза Н.В. Гоголя в интерпретации декабриста Г.С. Батенькова // Масловские чтения: Материалы региональной научно-практической конференции памяти В.С. Маслова / Научн. Ред. Л.Т. Пантелеева. Мурманск: МГПУ, 2005. 206 с. – С. 114-118.

Издательская лицензия ИД №06024 от 09 10 2001 года
Подписано в печать 12 04 2006 г Формат 60x90/16
Объем издания в усл печ л 1,5 Тираж 100 экз Заказ № 45

Псковский государственный педагогический университет им С М Кирова,
180760, г Псков, пл Ленина, 2

Редакционно-издательский отдел ПГПУ им С М Кирова,
180760, г Псков, ул Советская, 21, телефон 2-86-18, E-mail rio@psksu.ru

2006A
8886

NR - 8886